

На перегоне между полустанками Байроновка и Разгон, почти в пяти тысячах километров от Москвы, работали прикомандированные к путейцам рабочие из механических мастерских. Среди взрослых было четырнадцать подростков — слесарей-прорубщиков, только что сдавших экзамены на третий разряд и гордо именовавших себя «рабочим классом». Каждому из мальчишек было около шестнадцати, и они, как весь рабочий люд, заслуженно получали рабочие продуктовые карточки. Среди талончиков на крупу, жиры, мясо, рыбу, сахар был самым дорогим, можно сказать — бесценным, особый талончик размером чуть больше квадратного сантиметра. На него выдавали восемьсот (целых восемьсот!) граммов хлеба. Иждивенцам и служащим выдавали всего четыреста граммов хлеба. Если талончики на другие продукты могли и не отоварить, то хлебушек рабочий человек и служащие получали всегда!

В тот 1941 год декабрьские морозы завернули так, что стужу не выдерживали не только деревья, но и стальные пути железной дороги, по которым денно и ночью шли на запад тяжело гружённые военным скарбом и техникой составы, эшелоны с красноармейцами. Сибирские дивизии спешили на защиту столицы.

Бывали дни, когда поезда мчались на подмогу одновременно по двум колеям. Это было смелое, очень рискованное, не соответствующее никаким техническим нормативам решение руководителей железной дороги.

Нагрузка на рельсы была огромна. Путейцы с трудом успевали латать путь на одном участке, как обходчики натыкались на опасный для движения дефект на другом.

Вот в такой сложно-критической обстановке руководство Тайшетской дистанции пути командировало на подмогу путейцам рабочих механических мастерских — подростков и женщин. Подростки не раз бывали в таких командировках и неплохо знали профессию путейца.

Быстро расшив рельс — вытащив «лапами» (ломы, похожие на огромные гвоздодёры или ноги парнокопытных) костыли, с огромным усилием отвинтив с дюймовых болтов на стыковочных накладках намертво севшие от морозов на резьбу гайки, человек двадцать мужиков и баб отволакивали путейскими щипцами (клещами) на край откоса аварийный рельс...

Вскоре возле соседнего пикета путейцы наткнулись ещё на один лопнувший у стыка рельс. Дорожный мастер Анатолий Корноухов, приземистый, с тяжёлыми плечами мужик, матюгаясь и кляня всех и вся себе под нос, прихрамывая на неподвижную от рождения в колене ногу, двинулся к заклятому пикету, где обнаружили отломленную головку рельса. Корноухов в сердцах пнул отлом и охрипшим от стужи голосом крикнул бригадиру — длинноногому, сутулому мужику в латаной короткой — видно, с чьих-то плеч, — шубейке:

— Михаил, брось сюда мальцов, чтоб рельс расшили. Отлом на соплях висит! Вот-вот литерный должен пройти...

В разгар ремонтно-восстановительных работ, когда люди молча (каждый строго выполнял свою функцию, доведённую до автоматизма!), наверное, в душе костерили и мороз, и заводы, не присылавшие вот уже год ни рельсов, ни костылей, ни накладок, ни подкладок, и литерный поезд, из-за которого сейчас приходится вкалывать из последних сил, и Гитлера-паразита, затеявшего войну, делали свою тяжкую работу, слышался шум приближающегося поезда. По звонкому, мелодичному гудку паровоза дорожный мастер определил: идёт тот самый пассажирский литерный.

— Нет бы на часок опоздать, так нет, прёт с опережением! — чертыхнулся Корноухов и деланно бодро крикнул: — А ну, бабоньки, поднажмите, родненькие, ещё чуть-чуть!

На бодрую шутку дорожного мастера никто не отозвался. Только чаще застучали по костылям тяжеленные молотки да шумно участилось дыхание у каждого...

Подростки перекинулись репликами:

— Подумаешь! Пассажирский! Постоит!

— Если б военный эшелон — другое дело!

Шипя-пыхтя парáми, красавец «ИС» («Иосиф Сталин») замер метрах в ста от ремонтных работ.

— Ребя, гляньте, кажись, генерал бежит к нам...— сказал Гога, орудовавший у лопнувшей накладки огромным путевым ключом.

Выпрямился. Поправил ушанку, сползшую на глаза.

— Что случилось, рабочий класс? — спросил, подойдя, генерал.

Ребята обратили внимание на белоснежный полушубок, белые фетровые бурки, папаху с красным верхом.

— Рельс лопнул, вот и меняем,— как старшой, ответил Джамиль.

— И долго будете менять? — спросил генерал.

— Постараемся побыстрее закончить... Не только ваш пассажирский задерживаем... За вами, наверное, военные эшелоны идут,— по-деловому ответил Ишкильдинов.

— Вы-то постоять можете, а военным эшелонам никак нельзя! — серьёзно заметил Лёнька.

— Ясно, всё понял, рабочий класс...— и, уже уходя, обернулся и сказал: — Может, к нам в вагон заглянете? Погреемся...

— Спасибо... Нам никак нельзя... «Окна» узкие, а поезда один за одним прут... Вот и вы раньше времени подошли...— объяснял Джамиль.

— Почему стоим, а не работаем? — едва шевеля застывшими губами, неожиданно объявился рядом дорожный мастер.

— Вон, генерал... Позвал нас к себе в вагон...— несмело начал Джамиль.

— Ну-у, если генерал пригласил, думаю, нехорошо отказываться,— серьёзно начал Корноухов, по глазам подростков видя, как им хочется побывать в вагоне генерала.— Ишкильдинов, бери свою команду, и чтоб одна нога там, а другая здесь!

В тамбуре красная ковровая дорожка радужным лучом радовала глаза. Подростки ступали по ковру, будто по стеклу,— осторожно, боязливо. В нерешительности остановились возле открытого купе, куда вошёл генерал. До головокружения вкусно пахло хлебом.

— Чего остановились? Входите,— пригласил генерал, добродушно улыбаясь.— Геннадий Петрович,— обратился он к человеку в полосатой пижаме на верхней полке,— к нам в гости пожаловал рабочий класс!

— Отлично! Проходите-проходите, ребята,— как-то совсем не по-военному сказал Геннадий Петрович, слезая с полки.

Самый говорливый и шустрый среди приятелей, Лёнька Белогривый сейчас был тише воды ниже травы. В таёжной зелени его глаз искрилось восхищение.

Геннадий Петрович уселся возле окна, гостей усадил напротив себя и пристально оглядел каждого. «Им впору только на лыжах кататься, а они дорогу ремонтируют в такую стужу...» — жалостливо подумал он и спросил:

— Значит, путь ремонтируем?

— Ага...— ответил Джамиль.

— Да-а-а,— протянул человек в пижаме. И сочувственно спросил: — Небось промёрзли?

— А то! — сказал Белогривый.

— Если шибко работать, мороза не чуешь,— поправил Гога, недовольно взглянув на приятеля.

— Верно. Звать-то тебя как? — спросил человек в пижаме.

— Гога,— смутился подросток.

— Верно, работа согревает и тело, и душу,— сказал Геннадий Петрович.— Тихон Фёдорович, думаю, рабочий класс надо бы попотчевать,— сказал человек в пижаме, печально глядя на жидкие одежки подростков.

Валенки, видно, не раз подшитые, как сапоги, изломанные в голенищах, несоразмерно большие ватные брюки, телогрейки, оголившие тонкие, пунцовые от холода, тощие мальчишеские шеи, неуклюжие рукавицы, сшитые из кусков старых полушубков...

— Этим я и занимаюсь... Как же не угостить хорошим бутербродом рабочий класс,— ответил генерал.

Услышав слово «бутерброд», приятели недоуменно переглянулись.

— Что это такое? — шепнул Гога Джамилю.

— Я знаю?!

Геннадий Петрович неумело скрыл улыбку, сделал вид, что не расслышал перешёптывание подростков, и спросил:

— Давно работаете на путях?

— На путях недавно...— начал неуверенно Ишкильдинов, думая, что за «бутерброды» готовит им генерал.— Нас командировали помочь путейским рабочим... У них теперь почти одни женщины работают. Сами понимаете, без мужиков

нелегко... Новых рельсов заводы не поставляют... Старые мы в мастерских чиним, латаем, варим... Движение-то поездов надо поддерживать... А старые рельсы — они и есть старые. А тут ещё морозы, на грех, сами видите, как закрутили...

— Вообще-то мы — слесари-прорубщики. Путевые накладки ремонтируем,— подсказал Гога.— Мы сдали на третий разряд... Больше года работаем.

— Выходит, вы с опытом,— отметил Геннадий Петрович.

— Я ж говорю: рабочий класс! — подсказал генерал.

— А то! — не без гордости произнёс Лёнька, вытянув шею, чтобы увидеть, что за «бутерброды» так долго готовит генерал.

Генерал обернулся к подросткам и протянул каждому по огромному бутерброду — куску духмяного хлеба с мужскую ладонь и толщиной в два пальца, а на нём куски варёного мяса в колыхающемся аппетитно медового цвета желе. «И почему обыкновенный кусок хлеба с мясом генералы называют „бутербродом“?» — подумал Лёнька и вонзил прочные, как победит, зубы в неопикуемой вкусноты хлеб с мясом...

— Спасибо...— опять наперебой сказали подростки.

Их лица порозовели, спрятав недетскую серьёзность.

— В Красной Армии так просто не уходят,— строго заметил Геннадий Петрович, улыбаясь серыми глазами и уголками плотно сжатых губ.— У нас, помнится, ещё кирпич хлеба есть...— обратился он к генералу.— Думаю, надо его оставить рабочему классу. Мы на сухарях доедем до места.

— Точно, есть булка,— ответил генерал.

— Сухари тоже штука хорошая! — смекнул Белогривый.

— А то! — улыбнулся генерал мальчишеской хитрости.— Для полноты сухого пайка, думаю, следует приложить и шоколад.

— А то! — рассмеялся Геннадий Петрович.— Шоколад любите?

— А то! — шустро отозвался Лёнька и весь зарделся, посмотрел на приятелей: то ли он сказал?

Друзья одобряли его активность.

— Успехов вам, рабочий класс! Держитесь...— похлопал каждого по плечу генерал.— С победой вернёмся по этой же дороге...

— А то! Телеграмму дайте — мы встретим...

Разморённые теплом и сытным бутербродом, подростки нехотя, тяжело покинули литерный поезд. Они ещё не успели

спрыгнуть со ступенек вагона, как стужа схватила их в свои немилосердные объятия.

— Удачи и крепости духа вам, рабочий класс! — крикнул вслед генерал.

За ним стоял Геннадий Петрович и махал рукой. Что он говорил, приятели не слышали. Поезд несколько раз дёрнулся и, скрипя всеми членами стальных суставов, стал набирать скорость...

— Отогрелись? — внезапно подошёл дорожный мастер, держа в руке сигнальный флажок.

— Отогрелись, Анатолий Васильевич, — ответил Ишкильдинов.

— А вы ещё не хотели идти... На фронт поехали генералы... Вернутся ли?

— Обещали вернуться, — сказал Белогривый.

— Хорошо бы...

— Хлебушек возьмите, Анатолий Васильевич, — сказал Джамиль. — Вон, у Гоги.

— Какой ещё хлеб? — строго спросил дорожный мастер.

— Генерал дал и тот, что в пижаме. Не бойтесь, Анатолий Васильевич, не стырили, — протянул Гога кирпич хлеба, который на морозе стал на глазах леденеть. — Спрячьте за пазуху... И шоколад дали...

— Вы что, ребята? Они же вам дали, — осторожно оттолкнул двумя руками хлеб Корноухов.

— Мы от пуза поели в вагоне хлеб с мясом. Во как! — провёл по горлу рукой, спрятанной в рукавицу, Белогривый.

— Бутерброд называется, — подсказал Гога.

— Разве что так... — неуверенно ответил Корноухов и взял хлебушек. — Сладость оставьте себе — вам нужнее. Это как премия за отличную работу. Вот бригада-то обрадуется. И вам спасибо, ребята... Надёжные вы...

Почему-то ссутулившись и часто шмыгая носом, Корноухов направился к бригаде. Хлебушек он нёс, как новорождённого, — нежно, бережливо, осторожно.